

А. КРУЧЕНЬХ

ЗАЧУМННЫЙ

ЯЗЫК

СЕЙФУЛЛИНОЙ

В.С. ИВАНОВА

ЛЕОНОВА

БАБЕЛЯ

А ВЕСЕЛОГО

ЛБ93 №37

А. Крученых.

х

Заумный язык у:

СЕЙФУЛЛИНОЙ
В. С. ИВАНОВА
ЛЕОНОВА
БАБЕЛЯ
И. СЕЛЬВИНСКОГО
А. ВЕСЕЛОГО
и др.

Книга 127-я.

Обложка и концовки В. Нулагиной-Клуцис.

(Авто-кеннография)

853/4

ИЗДАНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПОЭТОВ

Москва—1925 г.

н

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ.

Крепко и весело звучит речь Артема Веселого, с при-
свистом, с поговорками:

«Ду-ду, Фюбюрр
Березай... Вылезай!...

Новороссийский город. Станция новороссийская.
Где комендант? А-а ах, братишка. Сурьезные де-
ла. Фронтвики не подкачают. В один мент обе-
делают дела в лучшем виде. Эх ваша благородня
держис ни валис».

Образна речь и крепко спаяна:

«А комендант сучара развалился в мягкой
кресле и языком ледве—ледве...

Мотнулись в порт.

Чур не хлопать. Ногой на суденышко-кока
За свисток, лапой в котел...

Ну-ну

Охолостим

бачка два, штоб пузяко трещало».

Вот новое словообразование: **сучара**, и звукоподража-
тельное **ледве-ледве**. Изменение рода: в мягкой кресле.

Литературный и народный язык, неологизмы, блатные
и звукоподражательные словечки,—все свежо и задорно!

«Сади и и и сь Длянть... Длянть...

Длянть... Ду-д у у у. Мотай. Крути. Винти».

Образы смелые и в повышенном тоне-темпе, намечается переход от пассивной деревни к активному городу, боевой красной армии и пролетариату.

«Смеются матросы—щикатурка с потолка сыпится, советски шпалеры вянут стружкой по стенам завиваются».

«Раз офицер—фактически—контрик».

«Свадебные поезда—кишками».

«Погоди и до казаков доберемся и их на луну шпилить будем»...

Словечки:

«Эстервы» «Рви рр рр рр ножки».

«Шлем—блем даешь флот по Брест-литовскому».

«Хрули гадов». «Кто там бузит?»

«Ботай»?

«Пьяно. Пыльно. Пляско».

«Ржут матросики над буржуем подтыривают».

«Тряхни брылами».

Разнообразие глагола:

... Все прошли с боем, с огнем. Гайдамаков били. Раду били. Под Белградом Корнила шарахнули. С Калединым цапались. С татарами в Крыму дрались. Офицеров топили...

За что мы скомлели терхались?

Образно изображен беспомощный Китай:

«Прислонился ходя к России. По неизвестной причине плачет ходя разливается.

Вольгуля мольгуля.

Моя лаборала лаборала, все денехи пло-
лаборала—папилоса нету, халепа нету.

Матросы к нему:

А-яй, чудачок, кругом слобода, а ты плачешь
Едим.

Обрадованный «ходя» залепетал:

моя каласо. Уф каласо...

(«Вольница» Леф № 1/5).

В повести «Реки огненные» главные герои блатные люди—два старорежимные матроса, но под этой грязной оболочкой и у них прорываются «реки огненные».

Вот образцы блатной речи (воровского жаргона):

«Фарт—не блоха,—в гашнике не пымашь.

От ты и знай: хто живет, а хто похаживает»...

Установка на «дыр—бул—щыл»:

«И глотка же у тебя, чудило... Гырмафон и гырмафон, истинный господь...

Во все сердце гудели:

Чуешь стогло версдужек отсдугали?

Машина
четыре колеса.

Клево.

Пригрохали»

Если Бабель—типичный книжный подхихкиватель, то Артем—клокочущая огненная река, если у Вс. Иванова есть пустые страницы и главы, которые надо скорее переписать, то у Артема полновесна каждая строчка, хочется ее перечитывать по несколько раз; если Сейфуллина порою по-женски беспомощна, то Артем мужественно крепок.

Артем лучше всего там, где его «беспредельный», лиризм перебивается живым диалогом, но и в лиризме он часто дает крепкие законченные строчки:

«Жизня горьки слезы.

Эх

в бога господа мать пять годиков я тут так отчубучил».

«И начался тут митинг с слезами с музыкой

Гра

Бра

Вра

Дра

Зра

С кровью
С мясом
С шерстью»

Проза льется как песня, где «слова не выкинешь», это зачинается разгульная, вольная, рабоче-крестьянская речь Новой России.

P. S.

Термин «заумное слово» вошел в обиход и его даже не отмечают кавычками. Так, известный романоупускатель Илья Эренбург начинает его вкрапливать в свои романы без комментариев, правда, в сообщениях, требующих комментариев:

«... (у влюбленных) не было длинных фраз: они слишком часто дышали и ввезанные цензуры (!) обрамляли рассказ в груды несвязанных восклицаний, ласковых прозвищ, почти заумных слов».

(«Любовь Жанны Ней»).

На заумном языке уже пишет каждый Пильняк. Казалось бы, можно и не определять, что такое заумь. Поэтому я лишь в конце книги даю краткую выдержку из моей

„Декларации заумного языка“:

1) Мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален) и языком, не имеющим определенного значения, (не застывшим) заумным. Общий язык связывает, свободный позволяет выразиться полнее (пример: го оснег кайд и т. д.).

2) Заумь—первоначальная (исторически и индивидуально) форма поэзии. Сперва—ритмически-музыкальное